

**САМАЯ ОЖИДАЕМАЯ
ВОЕННАЯ КИНОДРАМА ГОДА**

ИВАН НАУМОВ

БАЛКАНСКИЙ
РУБЕЖ

МОСКВА 2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н34

Наумов, Иван Сергеевич.

Н34 Балканский рубеж / Иван Наумов. — Москва :
Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-105451-9

Прошло ровно 20 лет с того дня, как наши десантники в феврале 1999 года взяли приштинский аэропорт. Роман подробно рассказывает об этом событии.

Тем, кто только собирается посмотреть или уже посмотрел фильм «Балканский рубеж», будет полезно прочитать эту книгу. Великолепный литературный слог, мастерски прописанные образы героев, острый драматизм и вечный библейский вопрос о Добре и Зле идеально дополняют впечатления от фильма.

Автор романа Иван Наумов неоднократно побеждал в литературных конкурсах «Мини-Проза», «Русский Эквадор», «Творческая Мастерская».

Югославия. 1999 год. Российская спецгруппа получает приказ взять под контроль аэродром Слатина в Косово и удерживать его до прихода подкрепления.

Но этот стратегический объект крайне важен албанскому полевому командиру и натовским генералам. Группа вынуждена принять неравный бой с террористами. К аэродрому устремляются российские миротворцы и силы НАТО. Мир вновь близок к большой войне.

Но командиру спецгруппы Андрею Шаталову не до политики: в аэропорту среди заложников его любимая девушка Ясна...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Наумов И.С., 2018
© ООО «Апгрейд Вижн»,
«Балканский рубеж», 2019
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-105451-9

ПРОЛОГ

*Деревня Лешичи, автономный край Косово,
Югославия*

Январь 1999 года

Недоумение, убеждал себя Драган Милич, комиссар полиции общины Глоговац, все от недоумения! Он размашисто шагал от служебного микроавтобуса вниз под горку по ломкой жухлой траве. Навстречу плыл протяжный собачий вой.

Минуту назад на подъезде к Лешичам словно чужая рука сдавила горло, и не стало возможности ни вдохнуть, ни выдохнуть. Вместо того чтобы велеть Петару остановить машину, пришлось просто ткнуть указательным пальцем перед собой: тормози тут!

Миличу недавно стукнуло семьдесят, но ему было плевать. Возраст не означает ничего, по крайней мере, здесь и сейчас. Молодые умирают чаще стариков. Уж он-то знал наверняка.

Деревня за спиной Милича догорала блеклыми январскими дымками. Из-под черепичных крыш сочились ленивые сизые завитки, там и тут, домах в десятки. Не такая уж большая деревня. И сгорели пока не все дома. Сербы из Лешичей должны сами сделать правильные выводы и убраться прочь из Косова, освободить место. Тем, кто поджег деревню, все равно, куда подадутся эти сербы — к родственникам в других краях Югославии, на заработки в сытую Германию или просто на тот свет.

Умом Милич понимал логику врага, но сердце не соглашалось признать ее человеческой. Разве люди могут такое делать, спрашивал он себя снова и снова. Недоумение. Брезгливое и безысходное недоумение.

Тропинка к запруде, протоптанная летом, едва угадывалась в присыпанной снегом траве. Милич осторожно откашлялся, прочистил горло, попытался что-то буркнуть себе под нос, но звука по-прежнему не вышло.

У высоких камышей его встретил Марко Окович, новый криминалист, прибывший всего месяц как взамен погибшему. К счастью, Окович заговорил сам, и Миличу оставалось только кивать.

— Не сразу нашли, комиссар. За камышом не разглядишь. Псина привела.

Тропинка петляла по самой кромке воды к полосе чистого речного песка. Милич едва не наступил на собаку. Дворняга дворнягой, хвост в репьях, здоровые уши, коротковатые лапы.

А потом он увидел девушку. Собака сидела прямо над ее головой и выла, выла, выла, запрокинув голову в серое беспросветное небо.

Тело лежало в воде у самого берега. Какая славная, подумал Милич, разглядывая лицо девушки. Брови вразлет, нежная кожа, ямочки на щеках. Наверное, нет и двадцати. Не было. И не будет.

— Опять скальпелем, — сказал Окович. — Разрез ровный, аккуратный. Рука хирурга.

Милич нагнулся над телом, приподнял окровавленную ткань на животе девушки, обнажил длинную дугу разреза. Собака ненадолго умолкла, посмотрела на Милича, на девушку, лизнула ее в лоб.

— Если из местных, — продолжал криминалист, — значит, оперировали прямо здесь, в деревне. Изъяты печень и почки. Но тут никаких условий. Ерунда какая-то...

Ерунда какая-то, механически повторял Милич, возвращаясь по тропинке в деревню. Ерунда еще какая!

Он откашлялся и попытался произнести это вслух. Невразумительное сипение.

Куда делся голос? Может быть, все дело в ярости? — подумал Милич. У девушки были бы такие красивые дети. И муж, и дом, и работа, и заботы. И любящие внуки. И спокойная старость — очень, очень не скоро. Бы! Потому что кто-то решил иначе — и надеется остаться безнаказанным.

С новым выдохом из груди Милича вырвался угрожающий низкий рык.

Да, решил он. Пожалуй, все-таки ярость.

* * *

Войдя в Лешичи, Милич словно провалился во времени на пятьдесят пять лет назад. Тогда разрозненные партизанские группировки наконец-то наладили взаимодействие и понемногу начали выдавливать немцев с Балкан. В феврале сорок четвертого отряд, в котором состоял пятнадцатилетний Драган, спустился с гор и первым вошел в оставленную эсэсовцами деревню. Милич позабыл ее название, но навсегда запомнил то, что там увидел. И это было очень похоже на Лешичи.

Редкие наносы снега. Дым из-под стрех. Разбросанные тела. Как будто все одновременно бежали в разные стороны, а потом упали. В сорок пятом верилось: сделано все, чтобы такое не повторилось. Но — вот оно снова. Здесь, в Косове, дома.

Полицейским хватало работы. Приходилось стараться и за пожарных, и за врачей. Из подвального окошка горящего дома только что вытащили пожилого сухопарого мужчину. Милич знал его с незапамятных времен, хотя и не близко. Цветко, школьный учитель. Жив. Повезло.

Фотограф отщелкивал пленку за пленкой. Вспышка отмечала его скорбный путь.

Следователь опрашивал местных жительниц. Сбившись в испуганную стайку, они галдели наперебой, и требовалось терпение, чтобы вычленить из их сбивчивых выкриков достоверную информацию.

— ...Вон оттуда, с холмов! Сначала десять, потом еще десять!

— ...Скажешь тоже. Полсотни, не меньше!

— ...Все с пулеметами, пушками!

С дальнего конца деревни привели под руки полуслепую старуху, уважительно усадили на лавочку у колодца. Милич поспешил к ней, взял ее ладонь в свою.

— Матушка Божена! Волновался, как вы?

Она повернулась к нему на звук голоса.

— Что со мной делается? Я свое давно отбоялась. А когда страха нет, то и смерть не торопится. — Матушка Божена протянула руку, пригнула Милича к себе, ощупала пальцами его лицо. — И тебя, Драган, она пока сторонится.

— Правильно делает. Я еще сам за ней поохочусь. Люди сказали, вы видели что-то? — Милич всматривался в ее незрячие белесые глаза.

— Змеиные времена, Драган! Дурное время, злые вести. Враг перестал прятаться, он больше не боится. Чужое делает своим. Живое делает мертвым. Его провозвестники повсюду. Некому закрыть им дорогу.

— Что вы видели, матушка Божена? — осторожно спросил Милич.

— Черная женщина идет впереди, торит врагу путь.

Стоящие рядом соседки закивали, зашумели:

— Приезжала... Неместная, на мотороллере, с пути сбилась...

Но набирающий силу голос матушки Божены перекрыл их гомон:

— Чернее угля, чернее ночи, тьма без звезд. Сгнившая изнутри, мертвая душой. Избави... Избави...

На мгновение Миличу показалось, что он видит залившую солнцем дорогу, а на ней черную дрожащую тень, размытый силуэт женщины на мотороллере.

— Как выглядела? — уточнил он. — Рост, худая-толстая? Смуглая или светлая?

— Только дорогу спросила на Глоговац, — уточнила одна из соседок, — волосы под платком, очки от солнца.

Другая дополнила:

— А как уехала, и десяти минут не прошло — бандиты!

Матушка Божена начала едва заметно раскачиваться, погружаясь в какой-то свой мир, то ли предрекая страшное, то ли молясь:

— Простирает крылья! Избави... Избави...

Милич осторожно отпустил ее руку и пошел к крайнему дому — туда подъехал армейский джип.

* * *

В последнее время о политике старались молчать. Общее ощущение надвигающейся неизбежной беды сводило на нет желание кому-либо что-либо доказывать.

Да, после Второй мировой войны албанцев в крае селилось все больше. Да, другой язык, чужая культура и иная вера. Сербь окончательно стали меньшинством — разве только на севере края, в Метохии, еще соблюдался паритет. Югославская Федерация казалась готовой к таким вызовам, способной выложить народы и культуры в драгоценную мозаику единого справедливого государства.

Где же произошла ошибка? Когда еще не поздно было хоть что-то исправить?

Полыхнуло, да как! И сначала не в Косове. Хитрым маневром в девяносто первом бескровно отделилась Македония, малой кровью — Словения. А дальше — только

ужас и смерть. Хорватия и Босния — многолетняя резня, все против всех, без жалости, до упора. Миротворческие силы — как мазь на обрубки.

Югославия зализала раны, и уже казалось, что худшее позади, когда аккуратно сложенный костерок на юго-востоке разгорелся от умело поднесенной спички. ОАК — Освободительная армия Косова — заявила о своих целях. «Косову — независимость!» — лозунг подхватили дипломаты и журналисты, политики всех мастей и рангов за пределами Югославии. «Косово для косоваров!» — услышали те, кто реально находился рядом. Такое обманчивое эхо.

Банды ОАК ушли из подполья в горы, подпитанные оружием и идеологией из рук щедрых кураторов. Террор нарастал по экспоненте, и, когда все пошло вразнос, югославскому правительству осталось только ввести в край регулярные войска.

У многих думающих людей возникло одинаковое ощущение: ловушка захлопнулась.

Полковник Слободан Брегич воевал за свою землю — на своей земле, так же как его отец в сороковых и дед в десятых. Косово Поле — здесь зародилась сербская идентичность, колыбель и сердце страны. В свои сорок восемь Брегич давно не питал иллюзий о мирных договоренностях с бандитами и прочей дилетантской шелухе. На вверенной ему территории — кусочке священной земли — действовал жестокий и хитрый противник. И у противника было имя.

На беленой стене крайнего дома деревни Лешичи изогнулась багровая загогулина, похожая на змею с разинутой пастью. Бурая тряпка, послужившая художнику кистью, валялась здесь же. А чуть поодаль в бурьяне лежал старик с перерезанным горлом. Крови для живописи вокруг было в избытке.

Брегич смотрел на змею, не отрывая взгляда. Милич остановился у него за спиной.

— Здравствуй, дядя Драган, — не оборачиваясь, сказал Брегич. — Смотри, это снова Смуку. У него уши за каждым кустом. Еще вчера здесь стоял наш пост. А как только сняли охранение...

— Здравствуй, Слобо! — ответил Милич. — К Смуку у меня свой счет, не короче твоего.

Брегич убежденно помотал головой:

— Полиции здесь не справиться. Я иду за ним, дядя Драган! Мы доберемся до гнезда Смука и спалим его дотла.

— Иначе и быть не может, — сказал Милич.

Они замолчали каждый о своем, и стали слышны сбивчивые заклинания матушки Божены:

— На всех дорогах кресты и ямы. Земле не родить, и хлебу не зреть... Ни мира, ни покоя, мор и глад. Молнии с неба, огонь из-под земли! Ни жалости в сердцах, ни веры пастырям. Окаянные дни, змеиные времена!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СИСТЕМА КООРДИНАТ

ГЛАВА 1

*Зона ответственности российского
миротворческого контингента, Босния*

Январь 1999 года

Ветер дул со стороны моря, от далекой северной Адриатики, негостеприимной в это время года. «Вороньи дни» — последняя неделя января, стылая водяная взвесь повисает в воздухе, оседает соленой пленкой на лице, одежде, автомобильном стекле.

Ветер не знал границ — тем более новых границ — и гнал воздушные массы через хорватское побережье за боснийские перевалы к сербским холмам и венгерским равнинам. Мертвая серая трава колыхалась в такт его дыхания. Лужи обрамлялись хрупкими ледяными узорами.

Дорога вилась ниточкой по горному склону, а потом выбралась на плоскогорье, распуталась и вытянулась струной в направлении Обриежского перекрестка.

Защитного цвета «уазик» с черными русскими номерами бодро продвигался по пустынной дороге, объезжая ямы и притормаживая на трещинах в давно не чиненном асфальте. В сотне метров за ним следовал БТР с надписью «SFOR» на обоих бортах.

Сержант Цыбуля уверенно прокладывал траекторию «уазика» между многочисленными препятствиями. В салоне было тепло — даже немного чересчур, но полному ощущению комфорта мешали неудобные вопросы майора

Шаталова. Цыбуля уже не чаял добраться до блокпоста, лишь бы только прекратилась историко-географическая викторина.

— Ну что — «так точно», Цыбуля? Ты не увиливай, это со мной не работает. Так как королевство называлось? Сербское?

Цыбуля покосился на Шаталова, пытаясь угадать по его лицу правильный ответ. Куда там! На всякого хитрого сержанта найдется такой вот майор. Глаза чуть прищурены, но смотрит открыто, даже чуть по-детски. Вроде и не улыбается, а как будто через секунду рассмеется. Рожа пиратская: широкоскулая, загорелая, подбородок драчуна. С таким в домино играть не садись. Решился Цыбуля и — как в холодную воду:

— Так точно, товарищ майор! Сербское!

Вздыхнул товарищ майор с глубоким командирским сожалением:

— Нет, сержант. Делаю вывод: ты вчера всю мою пламенную речь в одно ухо впустил, из другого выпустил. А потом еще и помещение между ушами проветрил, чтобы, не дай бог, в нем что-нибудь полезное не задержалось.

— Какое помещение, товарищ майор? Извините, отвлекся, дорога сложная!

Как назло, начался приличный участок шоссе, прямой как стрела и со свеженьким асфальтом. Шаталов с усмешкой взглянул на своего шофера.

— Сербов, хорватов и словенцев. Эс-Ха-Эс. Так королевство называлось. Я же тебя просвещаю, Цыбуля, чтоб ты образованным человеком рос, умственно развивался, а ты саботируешь!

— А боснийцев, Андрей Иванович?

— Что — боснийцев?

— Ну, королевство! Сербов, хорватов... А боснийцев?

На обочине чернел скелет сгоревшего автобуса. И сержант, и майор проводили его взглядом. Цыбуля — задумчиво, представил, как тут все было до прихода миротворцев. А Шаталов — цепко, внимательно: не шевельнется ли в окне или под колесом силуэт стрелка. БТР в зеркале заднего вида повел башней, хищно пошевелил пулеметом, прикрывая «уазик».

— Резонный вопрос, Цыбуля! — неторопливо, по-профессорски продолжил Шаталов. — Не было тогда никаких боснийцев. Потому что это те же сербы, только обращенные в ислам. При турках еще. Название — «бошняки», «боснийцы» — потом уже придумали.

Проснулась рация, затрещала, зашуршала. Сквозь помехи пробился голос лейтенанта Бражникова:

— Черешня, Черешня, прием!

Шаталов взял микрофон:

— Здесь Черешня. Цветем и пахнем. Прием!

— Черешня, рановато зацвели, завтра снова заморозки.

Пришла ориентировка на сараевских друзей: старая белая «Ауди», на заднем стекле желтая наклейка. В машине трое или четверо, предположительно вооружены. Подтвердите получение, прием!

— Подтверждаю, прием.

— Соседям передайте на блокпост. Вы не там еще? Прием.

Шаталов всмотрелся в вырастающие на горизонте постройки.

— Да почти уже...

* * *

Перед блокпостом дорогу перекрывали бетонные блоки. В них упиралась очередь из нескольких десятков легковых и грузовых машин, мотоциклов, подвод. Боснийский регулировщик с царственным видом пропускал их по одной

на извилистую змейку между блоками. Еще трое полицейских досматривали транспорт и пассажиров. Чуть в отдалении переминались с ноги на ногу экипированные по самую макушку американские миротворцы. Бронежилеты до подбородка, каски на глаза, руки на стволах. Гаранты спокойствия и правопорядка.

«Уазик» и БТР вывернули на встречу, огибая очередь. Водители и пассажиры машин дожидались проверки без суеты. Кто-то курил, кто-то дремал за рулем. Там и сям попутчики собирались небольшими стайками, разговаривали, спорили, обсуждали новости, травили байки. Впереди на пригорке топорщились неопрятные навесы дорожного рынка.

— Знаете, товарищ майор, зачем пиндосы ремешки касок так туго затягивают? — спросил Цыбуля.

— Не пиндосы, а наши американские коллеги. Ну? Не от ветра же?

— А чтобы пасть не разевали! — доложил сержант и радостно фыркнул. Молодец: сам пошутил, сам посмеялся.

Широкий перекресток рассекал рыночную площадь — лабиринт из рытвин и кочек застывшей грязи. Под навесами по периметру площади шла бойкая торговля. Консервы из гуманитарной помощи, электрочайники, телевизионные антенны, живые цыплята, газировка, домашняя сливовица и ракия в бутылках из-под газировки — маленькие радости послевоенной жизни...

Над навесами возвышалась несуразная двухэтажная кирпичная коробка с плоской крышей. Перед ней на обочине стояли два «Хамви» с надписями «SFOR» на бортах. «Уазик» остановился рядом, БТР выехал на центр перекрестка.

Из «Хамви» навстречу Шаталову неторопливо вылез майор Джеймс Роджерс — настоящий громила, из таких в